

Уже находясь в эмиграции, С.Е. Крыжановский видел в правых предшественников итальянского фашизма, провалившихся лишь из-за «неуклюжести приёмов вождей», стремления привязать себя к правительству и демагогии. Однако мемуарист признавал, что демагогия была неизбежной, поскольку им приходилось иметь дело с массами⁸³. Таким образом, выступая против третьи-июньской системы, правые фактически действовали против своих покровителей, в чём и заключалась главная трудность их положения. Зависимость от правительства в создавшихся условиях также вряд ли можно было преодолеть. Но и сама власть не могла долго использовать правых. Как писал первоудмеец И.В. Жилкин: «Каковы бы ни были правые газеты, всё же это пресса, то есть попытка руководить общественным мнением, опираться на него, считаться с ним. Каковы бы ни были правые организации – всё же это ячейки с общественным бродильным началом. Создавая здесь себе поддержку, администрация воспитывает здесь в себе новую, роковую для себя привычку – признание общественности»⁸⁴.

А.А. Иванов верно заключает, что основной причиной поражения правых стала их неспособность указать на свой путь выхода из ситуации, в которой Россия находилась зимой 1916/17 г. (с. 474). Утратив связь с динамичным развитием, правая идеология исчерпала свой потенциал. При этом сама активность их думской части нередко лишь приближала крах.

Сергей Степанов: Сторонники самодержавия в условиях парламентаризма

В последнее десятилетие своей тысячелетней истории русская монархия предстала в видоизменённом облике, который ставил в тупик современников и в самой России, и за её пределами. Так, «Готский альманах» охарактеризовал государственный строй Российской империи тех лет как «конституционную монархию во главе с самодержавным царём», что звучало едва ли не абсурдно. Между тем черносотенные союзы и организации провозглашали в своих программных документах, что царское самодержавие и после Манифеста 17 октября 1905 г. остаётся неограниченным, а законодательные учреждения не имеют права вмешиваться в управление страной. «Правые в русском парламенте», которым посвящена монография А.А. Иванова, с восторгом повторяли слова, произнесенные в Думе В.Н. Коковцовым: «У нас парламента, слава Богу, нет!»

Автор книги создал солидный труд, написанный на основе широкого круга источников (документы 34 архивных фондов из 9 архивохранилищ, 43 периодических издания, многочисленные мемуары). Составленная им библиография включает сотни названий, имеется обширный указатель имён. Всё это не заслуживало бы отдельного упоминания, будучи обязательной принадлежностью всякого мало-мальски серьёзного научного труда, если бы до недавней поры работы по истории правого движения не были столь редкими, что удивление вызывал сам факт их публикации. В последние годы ситуация коренным образом изменилась, о чём свидетельствует и первая глава монографии, в которой представлен обзор источников и исследований. Можно констатировать, что

⁸³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, [б.г.]. С. 152–154.

⁸⁴ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 360.

по данной тематике историки уже перешли на иной качественный уровень, детально разрабатывая отдельные аспекты общей проблемы.

Монография А.А. Иванова – достойный образец изучения конкретной темы в чётких хронологических рамках. Автор счёл необходимым ограничиться изучением только думской фракции правых и правой группой Государственного совета, не рассматривая деятельность русских националистов и умеренно правых, которые также взяли на вооружение лозунг «Россия для русских!», но своим более решительным коллегам казались непоследовательными монархистами и «неуверенно правыми». При этом он оговаривает, что фракция правых не представляла всё черносотенное движение. В 1910–1912 гг. Союз русского народа раскололся на более лояльных к власти «обновленцев» и «дубровинцев», заслуживших репутацию «революционеров справа». Всероссийский дубровинский союз русского народа не имел никаких связей с фракцией правых и вёл ожесточённую борьбу против её лидеров.

Сильной стороной книги А.А. Иванова является характеристика правых деятелей. Особенно интересны портреты членов правой группы Государственного совета. Кстати, современники гораздо меньше знали о том, что происходит в стенах Мариинского дворца, по сравнению с горячими дебатами в Таврическом. Сравнительно консервативный по своему составу Государственный совет имел репутацию своего рода синекуры для отставных сановников. Между тем среди бывших министров, вошедших в правую группу, было немало чрезвычайно ярких фигур. В их числе особо выделялся бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново, автор пророческой «Записки». А.А. Иванов приводит целый ряд оценок, данных ей современниками и потомками, в том числе и отвергаемые им домыслы тех, кто сомневался в её подлинности. Действительно, как отмечал Р. Пайпс, «этот документ, обнаруженный и опубликованный после революции, так точно предсказывает ход грядущих событий, что, не будь столь несомненно его происхождение, можно было бы заподозрить позднейшую подделку»⁸⁵. П.Н. Дурново снискал славу свирепого реакционера, но, как указывает А.А. Иванов, его мировоззрение было гораздо сложнее, чем представлялось современникам. В беседе с членом правой группы Государственного совета А.Н. Наумовым сам Пётр Николаевич признавался, что его напрасно считают заядлым защитником реакции: «Я, может быть, по своим взглядам являюсь самым убеждённым республиканцем». Вместе с тем Дурново не верил в возможность изменить форму правления в России, «где по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требуют наличия исторически сложившегося царского стяга», а «не станет его – распадётся Россия» (с. 70). Такой взгляд был характерен для многих монархистов, включая самого Николая II, однажды обронившего вскользь: «Вот, например, монархия! Вам она не нужна; мне она не нужна; но пока она нужна народу, мы обязаны её поддерживать»⁸⁶.

Следует отметить, что монархические взгляды членов правой группы Государственного совета были достаточно специфическими. Эти поборники самодержавия критически относились и к Николаю II, и ко всей Императорской фамилии. Особенно наглядно это проявлялось у аристократов, потомков древних боярских родов. Так, кн. Д.П. Голицын, первый председатель «Русского собрания», говорил о царствующем монархе: «Он Романов, а я Голицын». Граф

⁸⁵ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 239.

⁸⁶ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 597.

С.Д. Шереметев не мог простить царю 17 октября 1905 г. Прочитав манифест, он приказал повесить изображения императора лицом к стене, а портрет, висевший в кабинете, отнести на чердак. Кн. А.А. Ширинского-Шихматова современники прозвали «маленьким Победоносцевым». По словам В.И. Гурко, хорошо знавшего петербургский бюрократический мир, князь был «фанатик идеи абсолютной монархии, в голову которого могло вообще сразу уместиться лишь ничтожное количество мыслей»⁸⁷.

В отличие от сравнительно малоизвестных (кроме П.Н. Дурново) коллег из верхней палаты, имена лидеров крайне правой фракции IV Государственной думы были на слуху и даже сделались нарицательными. Думские выступления В.М. Пуришкевича и Н.Е. Маркова получили всероссийскую славу, правда, со скандальным привкусом. Марина Цветаева, начинавшая свой поэтический путь, иронически писала: «Моя любовь в политике – Пуришкевич. Ибо над его речами, возваниями, возгласами, воплями я сразу смеюсь и плачу»⁸⁸. Между прочим, Пуришкевич тоже был склонен к литературному творчеству: ещё студентом он послал Льву Толстому свой этюд из жизни индийских отшельников «Накута и Карни», и великий писатель нашёл, что рассказ «недурен и по форме, и, в особенности, по содержанию»⁸⁹. Но Пуришкевич выбрал иную стезю, поставив музу на службу политике. В своей книге А.А. Иванов ссылается не только на думские речи Пуришкевича, но и на его поэтические опыты, зачастую столь же хулиганские, как и выступления с трибуны Таврического дворца. Автор монографии справедливо отмечает, что подобный стиль был связан не только с горячностью и эмоциональностью Пуришкевича, но и с холодным расчётом – стремлением дискредитировать Думу в глазах российских обывателей, придать шутовской и карикатурный характер её заседаниям. Отсюда провокационные призывы и скандалы, которые Пуришкевич и его коллеги по фракции устраивали на трибуне, оскорбляя оппонентов и даже угрожая им физической расправой. При этом Иванов обращает внимание на то, что пренебрежение к Думе сочеталось у Владимира Митрофановича с подчёркнуто благоговейным отношением к сословным дворянским учреждениям: «Выступая однажды перед дворянским собранием, Пуришкевич, коснувшись скользкого вопроса на пикантную тему, под смех и аплодисменты присутствующих иронично произнёс: “распространяться здесь (на эту тему) я считаю неуместным – для этого есть Государственная дума”» (с. 74). На первый взгляд, в этом проявилось презрение столбового дворянина к всесословному учреждению, где заседают выборные от подлого люда. Однако причина его была не в дворянской спеси, а в принципиальном неприятии выборного начала. Пуришкевичи не так давно приобрели потомственное дворянство. Как вспоминал кн. С.Д. Урусов, «родоначальником этой семьи, составившим ей имя и состояние, был знаменитый в своё время бывший священник кладбищенской церкви, впоследствии член кишинёвской консистории, составивший себе среди бессарабского духовенства громкую репутацию, отец протоиерей Пуришкевич, выслуживший для своего сына посредством Владимирского креста дворянское звание»⁹⁰.

⁸⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 548.

⁸⁸ Цит. по: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич... С. 67.

⁸⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. LXVII. С. 65.

⁹⁰ Урусов С.Д. Указ. соч. С. 400. Сведения С.Д. Урусова подтверждаются метрическими книгами. Подробнее см.: Решетов С. К родословной В. Шульгина и В. Пуришкевича // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий альманах. Вып. 16. Одесса, 2013. С. 281–292.

В Государственной думе В.М. Пуришкевич и другие лидеры крайне правой фракции оказались в весьма щекотливом положении: отвергая на словах идею народного представительства, они обсуждали законопроекты, голосовали за них, вносили запросы и требовали объяснений от министров, т.е. активно вели столь ненавистную им парламентскую деятельность. Постепенно правые депутаты меняли свои взгляды и пришли к признанию необходимости выборных учреждений, разумеется, при условии господства в них национальных и монархических сил. Как писал Н.Е. Марков, «можно быть недовольным 3-й, 4-й, 20-й, разгоните их, выберите настоящую, русскую, но, как учреждение, Государственная дума необходима, без этого России не существовать»⁹¹.

Касаясь событий, предшествовавших началу Первой мировой войны, А.А. Иванов отмечает, что из всех фракций и групп Думы и Совета именно правые проявляли наибольшую осторожность в вопросах внешней политики. В частности, они являлись противниками активных действий России на Балканах, опасаясь общеевропейского пожара. Крайне правых обвиняли в прогерманских настроениях, и для подобного мнения имелись серьёзные основания, поскольку они традиционно ориентировались на монархические Германию и Австро-Венгрию. Незадолго до начала войны Главная палата Союза Михаила Архангела официально заявляла, что видит в Германии «могучий оплот монархических принципов среди кругов бушующего моря революции». В мае 1914 г. Н.Е. Марков провозглашал: «Я думаю, что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией, это будет проще и здесь нам будет гораздо легче договориться»⁹².

После начала войны Марков и другие лидеры правых оказались в непростом положении. Им пришлось доказывать свою лояльность, заявляя о готовности сотрудничать с недавними политическими противниками. В монографии А.А. Иванова большое внимание уделено «священному единению» думских фракций и партий перед лицом военной угрозы. Автор приводит слова поэты-сы З.Н. Гиппиус о рукопожатии политических антиподов В.М. Пуришкевича и П.Н. Милюкова: «Волки и овцы строятся в один ряд, нашли третьего, кого есть» (с. 94). Действительно, крайне правые с восторгом восприняли «патриотическое единение», наблюдавшееся в начальный период войны. «Как только вспыхнула война, все политические партии у нас как рукой сняло», – писал «Вестник Союза русского народа». Черносотенная «Земщина» призывала крайне правых депутатов к плодотворному сотрудничеству с другими фракциями: «Мы, русские люди, должны перестать подозревать и даже открыто обвинять друг друга в своекорыстии и предательстве за одно только, что мы принадлежим к различным политическим партиям»⁹³.

Но единение всех сил перед лицом врага оказалось непродолжительным. Как пишет А.А. Иванов, «если в начальный период германской агрессии все правые высказывались за верность странам-союзницам, за борьбу до победного конца, то по ходу войны ситуация заметно менялась» (с. 115). По словам автора, к 1915 г. ультраправый Союз русского народа во главе с А.И. Дубровиным стал склоняться в пользу соглашения с Германией, тогда как Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич со своими сторонниками при различном отношении

⁹¹ Курская былль. 1910. 17 августа.

⁹² Вестник Союза русского народа. 1914. 16 мая.

⁹³ Земщина. 1914. 13 августа.

к союзникам продолжали выступать за войну до победного конца. Между тем нет весомых причин подозревать дубровинцев в стремлении к сепаратному миру. Их в этом действительно часто подозревали, и остряки даже переименовали название их главного печатного органа «Русское знамя» в «Прусское знамя». Руководитель «кружка архангельских патриотов» с возмущением писал о действиях местной цензуры: «Даже к нам в Торговлю нарочно заходил военный цензор г-н Советник Всевожский который не советовал выписывать Русское Знамя говоря что неметскими деньгами пахнет»⁹⁴. Однако не было ни малейших фактов, свидетельствующих о каких-либо практических шагах в поддержку заключения мира или хотя бы о гипотетическом обсуждении этого вопроса дубровинцами. Ярлык германофильства был тогда удобным средством дискредитации политических оппонентов, и к нему часто прибегали представители либеральной оппозиции, голословно обвиняя не только монархистов, но и всё царское окружение вплоть до самой императрицы в стремлении примириться с Германией.

До начала войны Н.Е. Марков открыто выступал за союз с Германией, а после революции эмигрировал именно в эту страну, печально прославившись сотрудничеством с нацистами. Вместе с тем непосредственно в военное время Марков и другие вожди крайне правых занимали безупречно патриотическую позицию. В монографии А.А. Иванова при анализе помощи фронту и тылу со стороны правых парламентариев основное внимание уделено санитарным поездкам В.М. Пуришкевича, тогда как работа Н.Е. Маркова в Особом совещании по обороне государства очерчена более кратко. Автор приводит известное мнение В.В. Шульгина о том, что в технических вопросах, относившихся к снабжению армии снарядами, лидер правых неожиданно оказался дальновиднее генералов и военных экспертов (с. 126–127). Данный сюжет явно ещё нуждается в дальнейшем освещении на основе архивных материалов.

«Священное единение» рухнуло после тяжёлых военных поражений лета 1915 г., и вновь возобновилась политическая борьба. Оппозиционный Прогрессивный блок объединил в своих рядах почти весь спектр думских партий, к нему присоединилась даже часть националистов, а вне его остались лишь левые (на самом деле координировавшие с ним свою деятельность) и крайне правые. Рассматривая их реакцию на создание Прогрессивного блока и политику правительства, попытки выработать обновлённую программу действий и объединить свои ряды, автор монографии констатирует неудачу всех планов крайне правых в условиях надвигающейся революции. А.А. Иванов показывает отчаянные попытки лидеров черносотенцев спасти престиж российского самодержавия. Как известно, в итоге В.М. Пуришкевич принял участие в заговоре и убийстве Г.Е. Распутина, чья близость к царской семье дискредитировала монархию. Этот более чем популярный эпизод неоднократно отражён в публицистической и художественной литературе, а также в многочисленных экранизациях. Кажется, опираясь на хорошо известный материал, здесь невозможно добавить ничего нового. Однако в книге очень удачно проведён анализ думских дебатов ноября 1916 г., делающий более понятным контекст данного события.

А.А. Иванов ставит под сомнение точность знаменитого дневника В.М. Пуришкевича, в котором детально описано убийство Григория Распутина и

⁹⁴ ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 49, л. 3 об. Орфография подлинника сохранена.

подготовка к нему: «В том, что дневник Пуришкевича таковым не является, убедиться нетрудно», считает автор, ведь «только крайне недалёкий человек или хладнокровный маньяк (каким Пуришкевич, несомненно, не был) мог вести дневник накануне задуманного им преступления, подробно описывая в нём свои планы, состав заговорщиков и само убийство» (с. 45). И всё же нет причин отказывать дневнику Пуришкевича в достоверности, хотя можно согласиться с тем, что его текст явно написан позднее, когда убийцы уже не опасались уголовного преследования, но нуждались в моральном оправдании и выгодном изображении своих действий. Это, конечно же, публицистическое произведение, в чём-то схожее с пародийным «Дневником неперменного члена министерской передней», который В.М. Пуришкевич писал от лица продажного депутата. Надо отдать должное литературным талантам правого деятеля – он сумел придать повествованию о заговоре против Распутина столь увлекательный характер, что его «дневник» может поспорить с любым бестселлером.

Для историка правого движения дневник В.М. Пуришкевича интересен прежде всего тем, что он свидетельствует о серьёзных разногласиях внутри фракции правых накануне революции. «Как мне памятно, – вспоминал в нём Владимир Митрофанович, – последнее заседание фракции перед моей речью, заседание 18 ноября в нашей фракционной комнате 36 в Государственной думе, где я конспективно изложил всю мою речь и просил сделать мне честь говорить в Думе от её имени, в чём мне было отказано. По лицам сидевших я видел, что три четверти – мои горячие сторонники; но разве фракция у нас свободна в выражении своих взглядов: она в большей своей части терроризирована Марковым, который вкупе с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно по-своему, обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло»⁹⁵. Для правых депутатов дебаты осени 1916 г. оказались роковыми, так как фактически привели к параличу фракции. Впрочем, что значила судьба думской фракции монархистов, когда сама монархия отсчитывала последние месяцы своего существования!

При множестве достоинств в исследовании А.А. Иванова, разумеется, имеются и недостатки. Так, в нём отлично отражена публичная деятельность правых политиков, но недостаточно выявлена их внутренняя, скрытая от посторонних глаз жизнь. Конечно, это осложняется недостатком документов личного происхождения. Как признаёт автор, ему «не удалось выявить опубликованных мемуаров членов фракции правых», за исключением эпизодических мемуарных отступлений, сделанных в эмигрантских публицистических работах Н.Е. Маркова (с. 44). Данный пробел лишь отчасти восполняется воспоминаниями членов иных фракций Государственной думы (например, националиста В.В. Шульгина и др.). Полезными могли бы оказаться и рассказы митрополита Евлогия (Георгиевского) о глубоких разногласиях между правыми думцами. Будучи депутатом от русского населения Седлецкой и Люблинской губерний, он, выступая в Думе по аграрному вопросу, обрушился на польских землевладельцев, что, естественно, привело их в негодование. Но гораздо больше его поразила реакция русских депутатов-помещиков, недовольных таким покушением на частную собственность. «Один из них, – вспоминал митрополит, – не постеснялся сказать, что ему “польский помещик ближе, чем русский

⁹⁵ Дневник члена Государственной думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 21–22.

крестьянин”. Это отношение “правых” к моей позиции в аграрном вопросе свидетельствовало о том, что они готовы были поддерживать Церковь не бескорыстно: многие из них видели в Церкви средство держать народ в повиновении. Это ужасное политическое воззрение на Церковь сказалось очень ярко в возгласе Пуришкевича (в беседе с одним священником): “Неужели, батюшка, вы действительно верите так, как говорите?”»⁹⁶. Формально, конечно, данные воспоминания не относятся к рассматриваемому в монографии А.А. Иванова периоду, так как в 1912 г. Евлогий не стал участвовать в выборах из-за разногласий с обер-прокурором Святейшего Синода. Однако и в IV Думе социальный состав фракции правых был неоднородным, что неизбежно порождало те же самые проблемы и разногласия, которые в конечном итоге и привели к её расколу и распаду всего черносотенного движения.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

⁹⁶ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 184.